

П. О. Бобровский

**Уклонение от военной
службы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. О. Бобровский**
Уклонение от военной службы / П. О. Бобровский – М.: Книга по Требованию,
2015. – 82 с.

ISBN 978-5-4241-6654-9

Уклонение от военной службы. По законам древне-римским, французским, германским, шведским, а также и русским с XVII века.

ISBN 978-5-4241-6654-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

УКЛОНЕНИЕ ОТЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПО ИНОСТРАННЫМЪ И РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ.

Исторія военнаго права составляетъ вѣрный путь къ познанію причинъ смягченія системы наказаній за воинскія преступленія въ Россіи. Въ началѣ настоящаго столѣтія, знаменитый нѣмецкій философъ Фейербахъ высказалъ, между прочимъ, что право вообще „есть продуктъ времени и связано съ предшествующими событіями неразрывною цѣпью причинъ и слѣдствій. Изъ права, дѣйствовавшаго прежде, выросло право современное, и это послѣднее существуетъ только потому, что старое, отживъ свой вѣкъ, родило новое. Въ глубинѣ прошлыхъ тысячелѣтій лежитъ зерно законодательства, второму мы теперь повинемся“¹⁾). Относясь съ подобающимъ уваженіемъ къ прошедшему и изслѣдуя военное законодательство въ связи съ соотвѣтственными явленіями въ исторіи народнаго быта, мы, согласно съ положеніями Геринга и Савиньи, можемъ сознательно утверждать, что военное право и у насъ начинается желѣзнымъ періодомъ, тяжелою борьбою и работою человѣческаго разума, и что каждый періодъ исторіи русскаго войска, какъ и исторіи русскаго народа, есть продолженіе предшествующихъ временъ, каждый періодъ творить свой бытъ не произвольно, но при соучастіи всего прошедшаго.

---

¹⁾ *Муромцевъ* „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи“, стр. 4. дат. 7. Feuerbach, Ueber Philosophie und Empirie etc. 1804 года стр. 42 и слѣд.

Самое воспріятіе иноземныхъ принциповъ въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ (чему начало положено было за долгое время до учрежденія регулярныхъ войскъ въ Россіи), составляетъ явленіе естественное, подчиненное тому общему мировому закону, подмѣченному еще Спенсеромъ, что „въ природѣ человѣческой существуетъ *внутреннее стремленіе* стать чѣмъ то высшимъ“. Это обстоятельство, вполне объясняетъ подчиненіе одного общества вліянію идеаловъ и вообще всего міровоззрѣнія другихъ обществъ, что мы и видимъ въ сочиненіяхъ послѣдователей исторической школы. Исторія показываетъ, что европейскіе народы, въ эпоху возрожденія военнаго искусства, разработали основныя начала военнаго порядка и дисциплины по образцамъ римскихъ законовъ. Изъ оцѣнки же нашихъ военно-законодательныхъ памятниковъ и сличенія таковыхъ съ западно-европейскими съ начала XVII столѣтія, почти за сто лѣтъ до Петра, мы видимъ въ первыхъ присутствіе опредѣленій и нормъ, заимствованныхъ изъ образцовъ европейскихъ военныхъ законовъ, которые развивались одновременно съ громадными успѣхами военнаго искусства, особенно послѣ тридцатилѣтней войны, такъ дорого стоившей европейскимъ народамъ.

Вторженіе новыхъ понятій о военномъ устройствѣ, о матеріальномъ содержаніи войскъ, о ихъ нравственномъ воспитаніи, по образцамъ высшей цивилизаціи, прогрессируясь въ теченіи двухъ столѣтій, должно было произвести, наконецъ, и у насъ реакцію, вызвавшую коренное преобразование въ военномъ устройствѣ московскаго государства, и создать другой порядокъ для болѣе удобнаго пріятія новыхъ понятій о военномъ дѣлѣ, въ которомъ, въ концѣ XVII столѣтія, русскіе оказались назади даже турокъ, громившихъ могущественную св. Римскую имперію, сосѣднюю Польшу, и уже заносившихъ свои удары на обезсиленное внутренней неурядицей государство московское. Преобразование вооруженныхъ силъ, учрежденіе регулярныхъ войскъ и пріятіе къ нимъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, военныхъ законовъ и знаменуютъ великую эпоху Петра I въ русской исторіи.

Чтобы пояснить эти положенія въ журнальной статьѣ, мы избрали одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и интересныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства, именно: „уклоненіе отъ долга военной службы“, чему соотвѣтствуетъ рядъ артикуловъ въ главахъ IX, X, XI и XII „Артикула Военскаго“ и статьи дѣйствующаго нынѣ „Воинск. Уст. о наказ.“, разд. II, гл. III и IV и частью разд. III ¹⁾).

Борьба съ преступленіями въ войскахъ національныхъ и наемныхъ, временно призываемыхъ къ оружію или же постоянныхъ, при передвиженіи ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, при расположеніи ихъ лагеремъ или на квартирахъ у обывателей, съ XIV столѣтія была весьма трудною и составляла неблагоприятную задачу для государей, полководцевъ и законодателей. Никакими строгостями не удавалось избавить жителей занятой войсками страны, не только непріятельской, но и собственной, отъ самоуправства, насилій и своеволія людей, считавшихъ мечъ, копьѣ, аркебузъ, орудіями своего промысла, полагавшихъ, что страна и жители, ея населяющіе, принадлежатъ ихъ полководцу, ихъ полковнику, или ихъ капитану. *Фронспергеръ* и *Шаманъ* въ своихъ сборникахъ военныхъ артикуловъ и ордонансовъ XVI стол., законодательные памятники французовъ, нѣмцевъ, голландцевъ, датчанъ, шведовъ и, наконецъ, русскіе памятники даютъ лишь приблизительное понятіе о военно-административныхъ пріемахъ, а равно о военно-уголовныхъ законахъ, посредствомъ которыхъ государственная власть съ конца XIV стол. въ Европѣ стремилась утвердить *полицейскій порядокъ*, при различныхъ условіяхъ военнаго быта, съ цѣлью оградить права собственности, честь и самую жизнь людей, волею не волею входившихъ въ сопровосновеніе съ войсками, при передвиженіи ихъ, при расположеніи лагеремъ (или „обозомъ“ у

---

¹⁾ Болѣе полное развитіе этого вопроса читатель найдетъ въ недавно выданномъ трудѣ нашемъ объ „Арт. Воинск.“, вып. 2-й.

русскихъ, „таборомъ“ у чеховъ, венгровъ, поляковъ, „кошемъ“ у казаковъ).

Въ массѣ законодательныхъ памятниковъ необходимо обратиться исторіи военнаго права; нужно также установить связь между ними и дѣйствительными явленіями; наконецъ желательно указать на такіе памятники и органы полицейской власти и юстиціи, которые способствовали установленію внутренняго и внѣшняго служебнаго порядка и твердой дисциплины въ войскахъ. Эпоха возрожденія военнаго искусства тѣмъ и поучительна, что богата военно-юридическимъ матеріаломъ, изъ котораго юристы могутъ почерпнуть обширныя свѣдѣнія для науки военнаго права, для установленія принциповъ администраціи, вообще для обогащенія самой исторіи новыми фактами.

Возмутительные грабежи, насилія, разбои, были обычнымъ подвигомъ воюющихъ сторонъ во всѣхъ войскахъ въ Европѣ съ конца XIV столѣтія. Совершаемыя войсками безчинства и злодѣянія обнаруживаютъ лишь крайне бѣдный нравственный уровень общественной среды, послѣ паденія рыцарства и упадка папской власти. Висѣлицу, колесованіе, утопленіе и т. п. наказанія убійцамъ, ворами, грабителямъ и т. п. находимъ въ законахъ древней Савсоніи, Богеміи, Имперіи, Франціи. Подъ страхомъ колесованія и другихъ видовъ усиленной смертной казни нужно было охранять отъ воинскихъ людей разные сельско-хозяйственные учрежденія: мельницы, хлѣбъ на корню, пруды, пчельники и всякаго рода орудія, необходимыя для хозяйства. Даже въ XVI столѣтіи Каролина (Р. Н. G. O.) осуждаетъ на беспощадную казнь всѣхъ посягающихъ на достояніе ближняго, на его имущество ¹⁾. „Самовольная отлучка“ изъ строя на походѣ, или изъ „табора“ (лагеря, обоза) въ древне-чешскомъ уставѣ XV стол. *Гаека фонъ-Годетина* (Hauck von Hodetin) наказывается смертью, какъ и въ римскихъ законахъ ²⁾.

---

¹⁾ Corp. jur. milit. novis, ч. I стр. 96.

²⁾ Этотъ чешскій военный уставъ былъ лучшимъ въ Европѣ для того времени.

Присутствіе дурныхъ элементовъ въ войскахъ, особенно въ войскахъ наемныхъ въ Германіи, заставляло мирныхъ жителей, горожанъ и вѣстьянъ, принимать особыя мѣры предосторожности: имъ приходилось опасаться не только за свое имущество, но и за свою жизнь, за честь своихъ женъ и дочерей. Знаменитый собиратель древнихъ нѣмецкихъ, итальянскихъ и испанскихъ законовъ *Леонардъ Фронспергеръ* говоритъ, между прочимъ, что въ нѣмецкихъ войскахъ въ XVI стол. находилось множество разнаго рода мошенниковъ, бездѣльниковъ, развратниковъ, игроковъ („Kistefeger, Wölff, Balger, Spitzbuben, Spieler etc.“), которые свое присутствіе въ лагерѣ, на походѣ, въ городахъ, селахъ, проявляли рядомъ преступленій и безчинствъ, неподдающихся описанію. „Если эти люди, съ злѣдѣйскими инстинктами, не погибали сами, если ихъ не уничтожали озлобленные жители, то ихъ приходилось вѣшать, топить, казнить мечомъ, изгнать изъ войскъ съ безчестьемъ („oder aber zu Schelm gemacht, und der Stab über sie gebrochen“). „Я самъ зналъ, говоритъ Фронспергеръ, многихъ бездѣльниковъ и негодяевъ даже изъ высшаго сословія, которые жизнь свою въ лагерѣ вели до такой степени не приличную, что я не въ состояніи описывать ихъ отвратительныхъ продѣловъ“¹⁾.

Тоже самое терпѣло въ XVI стол. и народонаселеніе Франціи отъ своихъ національныхъ легіоновъ и бандъ или же отъ наемныхъ нѣмецкихъ рейтаровъ и ланднехтовъ. Марши войскъ и постои на квартирахъ ратныхъ людей во Франціи оставляли глубокіе слѣды безчинствъ и насилій: ограбленныя деревни и даже города, потравленные поля, обрабеденныя храмы, поруганные алтари, разрушенныя мельницы, обезчещенныя жены²⁾. Читая французскіе военные ордоннансы XVI в., невольно приходишь въ ужасъ отъ суровыхъ военноуголовныхъ законовъ, угрожавшихъ смертью солдату почти

---

¹⁾ Fronsperger „Caroli V, Kriegs-Rechte“, изд. 1574, стр. 157.

²⁾ Chaman. «Les ordonances militaires», Rouen. 1626.

за всё общія и воинскія преступленія. *Виспльщцей* или *коле-сованіемъ* наказывались солдаты, какъ тати и разбойники (*la grons*): за похищеніе скота, за воровство, соединенное съ насиліемъ, за оскорбленіе или нанесеніе раны хозяину или хозяйкѣ квартиры, за вымогательство чего либо у хозяевъ на постоѣ, за порчу и поломку вещей на постоѣ, за изнасилованіе женщины или дѣвицы, за ограбленіе маркитантовъ, лавоѣ, купцовъ.—*Прогнаніемъ* *сквозь строй на копыя* (*sera passer par les picques*), или *растрѣляніемъ* (*haquebousier*) наказывали солдатъ почти за всякое воинское преступленіе, за сопротивленіе или неповиновеніе, за самовольную отлучку изъ лагеря и т. п.—Найденныхъ въ лагерѣ публичныхъ женщинъ изгоняли плетью (*par le fouet*), въ обнаженномъ видѣ, а офицеровъ и солдатъ, имѣвшихъ при себѣ подобныхъ женщинъ, исключали изъ службы съ безчестіемъ. „Подставнымъ солдатамъ“ (*passevols*) и другимъ обманщикамъ обрѣзывали носъ и уши, и проч.

Довольно сказаннаго, чтобы имѣть понятіе о качествахъ войскъ до конца XVI столѣтія.

И въ обширныхъ владѣніяхъ императора св. римской имперіи и въ земляхъ подвластныхъ скипетру французскаго короля для управленія войсками не было недостатка въ учрежденіяхъ и лицахъ. Напротивъ мы встрѣчаемъ рядъ самыхъ разнообразныхъ должностей и учреждений, нерѣдко такихъ, о существованіи которыхъ никому и въ голову теперь не придетъ, но съ полнымъ отсутствіемъ въ нихъ единства. Это отсутствіе единства или связи между различными должностями мѣшало соединяться разнообразнымъ войскамъ въ одно органическое цѣлое.

Въ пестрой, по своему составу, имперской арміи должность профосовъ, по существу полицейская, служила единственно связующимъ элементомъ между частями войскъ и главнокомандующимъ, хотя бы только для приведенія въ исполненіе воли главнокомандующаго. Каждый главный начальникъ войскъ имѣлъ своего особаго профоса и свою управу, свой *реиментъ*. Кромѣ обширной, почти безконтрольной полицей-

ской власти, профосы были обвинительною властью (въ родѣ прокуроровъ) въ военныхъ судахъ.

Особа главнаго полеваго профоса почиталась непривосновенною и нанесенное ему оскорбленіе влекло лишеніе жизни. Въ распоряженіи профосовъ находились: палачъ, палочный мастеръ (Stock-Meister) и палочные слуги (Steckenknechte). Въ каждомъ полку (Regiment) или самостоятельной части въ вѣдѣніи профоса имѣлась особенная официальная должность „пристава публичныхъ женщинъ“ (Huttenweibels). Въ вѣдѣніи профосовъ находились арестованные и плѣнные, маркизаны, лавочники, торговцы, разные парни, прачки и т. п. Профосы имѣли право казнить солдатъ собственною властью за всякаго рода беспорядки и насилія безъ суда. Съ продуктовъ, поставляемыхъ на торговомъ рынкѣ, въ лагерѣ, профосы пользовались извѣстнымъ процентомъ; старшему профосу на походѣ, въ лагерѣ, на квартирахъ подчинялись провіантмейстеры и квартирмейстеры.

Почти такая же организація военно-полицейской власти въ XVI столѣтіи была и во французской арміи; и эта власть во Франціи усилилась, повидимому, еще болѣе чѣмъ въ Германіи. Главный, отрядные и полковые прево въ военное время и на театрѣ военныхъ дѣйствій пользовались большими полномочіями: они разрѣшали всякаго рода споры и несогласія солдатъ съ жителями, устанавливали таксы на продовольственные продукты, продаваемые маркизантами и купцами, могли наказывать лишеніемъ жизни солдатъ за грабежи и насилія, изгонять изъ войскъ публичныхъ женщинъ розгами, могли казнить смертью безъ суда всякаго солдата, найденнаго въ вагенбургѣ, но въ нему не принадлежащаго.

Но несмотря на жестокіе военные ордонансы и громадную полицейскую власть, предоставленную военнымъ прево, беспорядки, насилія и самоуправство военныхъ людей во Франціи во вторую половину XVI столѣтія, когда управленіе военными силами, послѣ смерти *Колigny*, перешло къ Гизамъ, достигли небывалыхъ размѣровъ. Наемные ландкнехты и швейцарцы, нѣмецкіе и испанскіе рейтары и свои

національные банды, подъ предводительствомъ капитановъ; нерѣдко самозванныхъ, изощрились въ грабежахъ и жестоко-стѣяхъ надъ жителями беззащитныхъ провинцій. Свои и наемные солдаты брали насильно подъ обозы лошадей, упряжь, телѣги, а между тѣмъ ордоннансы грозили смертью всякому воину за захватъ у крестьянина лошади, запряженной въ плугъ (*estant à la charrue*)! Офицеры и солдаты брали бесплатно у жителей всякаго рода кормъ, а между тѣмъ ордоннансы грозили смертью за вымогательство чего либо отъ хозяевъ на квартирѣ! Солдаты безнаказанно бродили по деревнямъ подъ предлогомъ фуражировки, а между тѣмъ въ ордоннансѣ за самовольную отлучку отъ своей части далѣе двухъ лѣтъ опредѣлялось наказаніе смертью! Квартермистры и фурыеры требовали у жителей деревень и у частныхъ лицъ деньги на содержаніе солдатъ своей роты, подъ тѣмъ предлогомъ, что таковыхъ не получено изъ королевской казны! „Мировымъ судьямъ“ а не „военнымъ прево“ приходилось нерѣдко исполнять приговоры суровыхъ военныхъ ордоннансовъ; за грабежи, насилія и другія злодѣянія мировые судьи могли навазывать лишеніемъ жизни солдатъ и даже жандармовъ, комплектуемыхъ дворянами и принадлежавшихъ къ наиболѣе почетному разряду французской кавалеріи. Офицеровъ и солдатъ, которые самовольно брали подъ свой багажъ лошадей, воловъ, муловъ, ословъ, гражданскія власти, созвавъ по набату жителей, могли преслѣдовать съ оружіемъ и отнимать силою все похищенное, а виновныхъ отдавать гражданскому суду, для навазанія.

Все это даетъ намъ понятіе объ отсутствіи законнаго порядка въ государствѣ во время борьбы монархической власти съ французской аристократіею. Слабая правительственная власть во Франціи въ военныхъ ордоннансахъ 1584 и 1586 годовъ пыталась поднять значеніе военныхъ прево и изъять военныхъ лицъ, состоявшихъ на службѣ короля, изъ подсудности гражданскихъ судей. „Военные люди, не исключая слугъ и холоповъ (*goujats*), за всѣ преступленія и проступки (*crimes et delicts*) на походѣ, на квартирахъ, въ лагерѣ, гар-

низонахъ, — предаются *военно-превотальному полицейскому суду*, приговоры котораго, по утверженіи полковника (*maître des arm*) или начальника пѣхоты (*colonel de toute l'infanterie*), они же, военные прево, приводятъ въ исполненіе“. Подобный законъ, при неудовлетворительной системѣ снабженія войскъ жалованьемъ и кормомъ, и громадной, почти безконтрольной власти полковниковъ, неспособенъ былъ ввести порядокъ въ войскахъ. Военно-уголовные законы оставляли безъ наказанія начальниковъ, полковниковъ, капитановъ и коммисаровъ, т. е. тѣхъ должностныхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ собственно и сосредоточивались въ то время всѣ распоряженія къ удовлетворенію потребностей солдата на походѣ, въ лагерѣ (обозѣ) и на квартирахъ у обывателей.

Королевская казна тщетно растрачивалась на армію, и сами начальники, изъ корыстныхъ видовъ, оставляли безъ должнаго возмездія офицеровъ и солдатъ за вымогательство, насилия и разнаго рода злодѣянія, особенно на походѣ.

Съ войсками таскалось въ походѣ множество людей: маркизантаговъ, торговцевъ, лавочниковъ, женщинъ, поваровъ, конюховъ или погонщиковъ, всякаго рода пачкуновъ и всякаго рода солдатскаго имущества, которое состояло большею частью изъ ненужнаго хлама. Поэтому обозы арміи того времени были чрезвычайно велики и служили большимъ затрудненіемъ для движущейся колонны войскъ. Римляне обозы свои называли „помѣхою“ (*impedimenta*); но обозы нѣмецкихъ ланцетехтовъ, большею частью женатыхъ, были не только помѣхою для исполненія военныхъ операцій, требующихъ тайнственности и быстроты передвиженія, но источникомъ бѣдствій для жителей: чтобы поднять съ мѣста всѣ тяжести самой незначительной арміи, требовалось собрать въ окрестностяхъ множество подъемныхъ лошадей. Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія, съ увеличеніемъ количества артиллерійскихъ орудій, громаднаго вѣса, съ усложненіемъ матеріальной части, еще болѣе увеличились обозы, еще замѣтнѣе стали возрастать затрудненія какъ для передвиженія арміи, такъ и расположенія ея лагеремъ или же на квартирахъ и еще

болѣе увеличились затрудненія по продовольстію войска на маршѣ и при расположеніи на квартирахъ у обывателей.

Хотя и существовали положенія сколько именно денегъ должно отпускать войскамъ на содержаніе (по расчету на 100 человекъ въ день, въ недѣлю, въ мѣсяць), но въ дѣйствительности такъ не дѣлалось. Въ такихъ затрудненіяхъ начальники испанскихъ войскъ, находясь въ Италиі, въ концѣ XVI ст. придумали расквартированіе войскъ съ продовольстіемъ войскъ отъ хозяевъ. Они устроили это дѣло такимъ образомъ: на одного офицера или солдата назначалось нѣсколько дворовъ: одинъ дворъ давалъ квартиру и кормъ, другой—деньги на жалованье и т. п. Подобная система содержанія отъ обывателей испанскимъ войскамъ очень понравилась, она была выгодною для начальниковъ и потому стала быстра распространяться по всей Европѣ. Расквартированіе съ продовольстіемъ войскъ отъ хозяевъ стали примѣнять и тогда, когда въ томъ не было никакой надобности. Но эта система, чрезвычайно выгодная для войскъ, становилась крайне тяжкою для жителей, и скоро сдѣлалась источникомъ насилій и самоуправства со стороны войскъ, которыя требовали отъ жителей занятой страны, кромѣ помѣщенія, бесплатнаго корма для себя и лошадей своихъ.

Кому не извѣстно какъ распоряжались нѣмецкія войска въ Германіи въ 30-ти лѣтнюю войну и что должны были терпѣть жители отъ воюющихъ сторонъ. Страна, по которой двигались войска съ длиннымъ хвостомъ обозовъ и въ которой располагались пѣхотные солдаты и рейтары, обремененные присутствіемъ множества людей, ненужныхъ для боя, въ короткое время обращалась въ пустыню. Самовольныя отлучки и побѣги плодили страшныя преступленія, съ которыми бесплодно боролась власть, прибѣгавшая къ крайне суровымъ, жестокимъ наказаніямъ, опредѣляемымъ частью по суду, частью органами военной полиціи или же самими начальниками.